
Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-16-23

**«ПЕРЕПИСКА ПОЛКОВНИКОВ НИКОЛАЯ ЛАДЫЖЕНСКОГО
И БАРОНА ВИЛЬГЕЛЬМА ШУЛЬЦА...»: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ОСНОВАНИЯ АЗОВО-МОЗДОКСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ (1777–1780)**

Заурбек Анзорович Кожев

Научно-инновационный центр «Экспертные системы источниковедения и историографии» ФГБНУ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2025

Аннотация. Институциализация границ Российской государства на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. стала индикатором усиления ее военно-политического и административного контроля в регионе, в котором оно присутствовало с последней трети XVI в. Финальным актом четкой демаркации границ Российской империи на Северном Кавказе явилось основание Азово-Моздокской кордонной линии. С момента ее учреждения в 1777 г. до образования в 1785 г. Кавказской губернии Азово-Моздокская (Моздокская) кордонная линия была стержнем имперского администрирования в регионе. Основанные по преимуществу на северных пограничных землях Кабарды укрепления и казачьи станицы Азово-Моздокской кордонной линии стали частью общеимперской государственной инфраструктуры. Делопроизводственная документация канцелярии кордонных начальников на Линии (Н.А. Ладыженского, В.В. Шульца и др.), которая вела обширную переписку с комендантами отдельных крепостей от Азова до Кизляра, вышестоящим начальством в Астрахани, отражает сложный процесс формирования и функционирования имперской границы на степном фронтире в первые годы ее полноценной институциализации. Архив канцелярии начальников Азово-Моздокской кордонной линии является также ценным источником для детализации социально-политических и экономических процессов, имевших место в Кабарде и соседних сообществах Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Ключевые слова: Азово-Моздокская кордонная линия, делопроизводственная документация, Кабарда, степной фронтier, конфронтация

Для цитирования: Кожев З.А. «Переписка полковников Николая Ладыженского и барона Вильгельма Шульца ...»: документальное измерение основания Азово-Моздокской кордонной линии (1777–1780) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 16–23. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-16-23

Original article

**«CORRESPONDENCE BETWEEN COLONELS NIKOLAI LADYZHENSKY
AND BARON WILHELM SCHULTZ...»: DOCUMENTARY MEASUREMENT
OF THE AZOV-MOZDOK CORDON LINE FOUNDATION (1777–1780)**

Zaurbek A. Kozhev

Scientific and Innovation Center «Expert Systems of Source Studies and Historiography» of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2025

Abstract. The institutionalization of the borders of the Russian state in the North Caucasus in the second half of the XVIII-th century became an indicator of the strengthening of its military-political and administrative control in the region in which it had been present since the last third of the XVI-th century. The final act of clearly demarcating the borders of the Russian Empire in the North Caucasus was the establishment of the Azov-Mozdok cordon line. From its establishment in 1777 until the formation of the Caucasus Governorate in 1785, the Azov-Mozdok (Mozdok) cordon line was the core of imperial administration in the region. The fortifications and Cossack villages of the Azov-Mozdok cordon line, founded primarily on the northern border lands of Kabarda, became part of the general imperial state infrastructure. The office documentation of the office of the border commanders on the Line (N.A. Ladyzhensky, V.V. Shchults, and others), which conducted extensive correspondence with the commandants of individual fortresses from Azov to Kizlyar, and with higher authorities in Astrakhan, reflects the complex process of formation and functioning of the imperial border on the steppe frontier in the first years of its full-fledged institutionalization. The archive of the chief's office of the Azov-Mozdok cordon line is also a valuable source for detailing the socio-political and economic processes that took place in Kabarda and neighboring communities of the Northwestern and Central Caucasus.

Keywords: Azov-Mozdok cordon line, office documentation, Northwestern and Central Caucasus, Kabarda, confrontation, social conflicts

For citation: Кожев З.А. «Correspondence between colonels Nikolai Ladyzhensky and baron Wilhelm Schultz...»: documentary measurement of the Azov-Mozdok cordon line foundation (1777–1780). *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin.* 2025; 4-2 (67): 16–23. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-16-23

Основание в 1763 г. крепости Моздок можно назвать поворотной точкой в истории взаимоотношений народов Центрального и Северо-Западного Кавказа с Российской империей. Удачное для нее окончание очередной войны с Османской Турцией детерминировало завершение институциализации российской границы от Азово-Черноморского региона до Каспийского моря. Это произошло в форме учреждения в 1777 г. Азово-Моздокской (Моздокской) кордонной линии, как логического продолжения сплошной цепи укреплений и казачьих станиц от Кизляра по левобережью Терека через Моздок до устья Дона. Таким образом, через двести лет после начала проникновения на Северный Кавказ российское государство получило эффективный инструмент военно-политического давления на независимые сообщества региона, его интеграции в общеимперское правовое и административное пространство. Первый опыт прямого столкновения и тесного взаимодействия народов Северного Кавказа с имперской военно-административной системой России оказался настолько болезненным и деструктивным, что нашел яркое отражение в ранней черкесской историографии, фольклоре, мемуарной литературе и истории Кавказской войны [Султан Хан-Гирей 2009: 135; Адыгские песни 2014: 30–98; Народные наигрыш 1986: 225–245; Кавказская война 2002: 21–34; Потто 1994: 93–101 и др.]. Эпоха, когда «...северокавказское пограничье превратилось в сплошную линию российских укреплений вдоль Кубани и Терека, соединяющих Черное море с Каспийским», стала прологом к кризису традиционного общественного строя черкесов и эскалации военно-политического противостояния России [Кажаров 2014: 599–612; Ходарковский 2023: 313]. По замечанию современного историографа генезиса Российской империи М. Ходарковского «русские крепости и селения, построенные на земле, принадлежавшей коренному населению, оказали на это население глубокое и разрушительное воздействие» [Ходарковский 2023: 313]. В последние годы появляются работы, имеющие целью осмысление длительного и драматического процесса присоединения Кавказа к Российской империи; они скорее выполняют функцию популяризации темы и привлечения к ней читательского интереса, но не являются систематическими исследованиями всех ее аспектов [Дегоев 2025]. Несмотря на устойчивый интерес в отечественном кавказоведении к социальной, военно-политической, демографической динамике на Северо-Западном и Центральном Кавказе, вызванной

колонизационной активностью и усилением интеграционных интенций со стороны России, можно согласится с выводом уважаемого автора о том, что «систематического исследования южных рубежей России не существует» [Ходарковский 2023: 13]. В первую очередь, это относится к Азово-Моздокской (Моздокской) линии, чье основание и первые опыты функционирования находятся в тени более масштабных событий первой половины XIX в., ареной которых стали Кубань, черноморское побережье Кавказа, бассейн Среднего Терека и Сунжи, Дагестан. Однако делопроизводственная документация канцелярии начальствующих на Моздокской линии, деловая переписка, ордера и рапорты комендантов крепостей, военных чинов вышестоящим администраторам содержит ценный материал по истории повседневности первых лет ее существования. Она сконцентрирована в Ф. 23 (Кавказские дела) Российского государственного архива древних актов [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5]. Это дело («Переписка начальников на Моздокской линии – полковника Н.А.Ладыженского, барона В.В. Шульца, генерал-майора Ф.И. Фабрициана с астраханским губернатором И.В. Якоби и с комендантами крепостей от Моздока и Кизляра до Астрахани и Азова») состоит из нескольких тысяч документов, сгруппированных в 31 частях по тематическому и хронологическому принципам. Настоящее исследование опирается на первичный анализ документов первых 8 частей дела. Это переписка начальников на Моздокской линии – полковника Н.А. Ладыженского, барона В.В. Шульца, генерал-майора Ф.И. Фабрициана с астраханским губернатором И.В. Якоби и с комендантами крепостей от Моздока и Кизляра до Астрахани и Азова 1777–1780 гг. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1, 2]; переписка генерал-майора барона В.В. Шульца, командира 2-ой дистанции крепостей Моздокской линии, прикрывающей со стороны Кубани от ногайцев 1777 г. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3]; рапорты и ордера астраханского губернатора И.В. Якоби и генерал-майора Ф.И. Фабрициана, переписка начальника комендантской канцелярии, полковника Н.А. Ладыженского 1777–1778 гг. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 4, 5]; переписка начальника первой линии крепостей Моздокской линии (или 1-я дистанция крепостей: Георгиевская, Павловская, Андреевская, Марьинская, Екатерининская) полковника Н.А. Ладыженского 1777–1778 г. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 6–8]. Невозможно сказать, насколько активно использовались фонды этого дела при составлении первых сборников архивных материалов по истории присоединения Кавказа к России, так как в них отсутствует классический ссылочный аппарат [Бутков 1869]. Но в более поздних сборниках архивных документов и научных монографиях, изданных в прошлом веке в период расцвета советского источниковедения и историографии, документы из этого дела либо отсутствуют, либо используются эпизодически [МПИО 1933; КРО 1957б; РОО 1984; Волкова 1974: 57 и др.]. Систематическое изучение делопроизводственной документации позволит детализировать историческую повседневность функционирования первой полноценной границы Российской империи на Северном Кавказе и тех процессов общественно-политической эволюции в среде коренного населения, которые были инициированы ее институциализацией.

По содержанию и эвристическому потенциалу делопроизводственную документацию канцелярий начальников Моздокской линии можно разделить на несколько блоков, освещающих различные стороны повседневной жизни гарнизонов крепостей, казаков, пограничного населения, отдельные аспекты исторического процесса, иницииированного формализацией административного управления степного приграничья Российской империи на Северном Кавказе. Во-первых, это документы, касающиеся обустройства и материального обеспечения процесса создания инфраструктуры новой кордонной линии. Это рапорты о строительстве крепостей Павловской, Марьинской, Андреевской, Екатерининской, Георгиевской и др., о количестве выделенных рабочих, приеме шанцевого и иного инструмента и т.д. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 51, 54, 72, 73, 75, 77, 99, 101, 102, 106,

110, 113, 117, 121, 124, 134, 139, 155, 169, 170, 172; Ч.2: 83–86; Ч.3: 23, 36 37, 40, 50, 52, 65, 69, 70, 73, 77, 81 и др.]. Скупые рапорты и отчеты гарнизонных начальников, переписка с командующими 1-й и 2-й дистанциями (частями) Азово-Моздокской линии, обращенных соответственно к Кабарде и Закубанской Черкесии при детальном рассмотрении позволяют статистически детализировать материальные ресурсы, которыми располагали власти для решения такой нетривиальной задачи, как обеспечение 500 километровой границы в малонаселенной, удаленной от основных имперских центров местности.

Еще одним массовым видом делопроизводственной документации являются рапорты и отчеты о перемещении войск, комплектовании гарнизонов крепостей, их снабжении боеприпасами и артиллерией, обучении солдат и артиллерийской прислуги. Классическим примером таких документов являются «Семидневные рапорты» с 1 октября по 31 декабря 1777 г. о состоянии и численном составе Кабардинского пехотного полка, занимавшего крепости 1-й дистанции Моздокской кордонной линии (Георгиевская, Екатерининская, Павловская, Марьинская, Андреевская), а также прикомандированных частей, казачьих полков, полевой и гарнизонной артиллерии [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3: 145–147, 163–175]. Подробные рапорты, составлявшиеся в канцелярии командира дистанции полковника Н.А. Ладыженского, позволяют оценить наличные силы и военный потенциал новых крепостей в момент их основания. Он был достаточно скромным – менее 2000 человек пехоты в Кабардинском полку, не считая казаков и небольших регулярных команд, прикомандированных из Моздока. Осознавая недостаточность наличных сил для прикрытия протяженной и неспокойной границы с независимыми сообществами Северо-Западного и Центрального Кавказа, русская администрация, во-первых, увеличивала число регулярных полков на Моздокской линии. Так из Царицына в июне 1778 г. по ордеру И.В. Якоби полковнику Н.А. Ладыженскому был отправлен только что сформированный егерский батальон Кабардинского полка, а затем и Владимирский драгунский полк [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 5: 486–495, 500]. Во-вторых, русское правительство переводило на новую границу империи казачьи полки (в 1777 г. второй Волжский казачий полк) для колонизации присоединяемых территорий лояльным военно-служилым населением [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 5: 477, 503].

Еще одним наиболее массовым видом делопроизводственной документации канцелярии командующих Моздокской линии являются рапорты и отчеты военных чинов, комендантов крепостей, отражающих рост неорганизованного насилия в приграничной зоне, а также усиление военно-политической напряженности. Значительная часть из них отражает мелкие происшествия, столкновения местных жителей с казаками, угоны скота. Гораздо более информативны большие отчеты и рапорты офицеров, комендантов отдельных крепостей о крупных набегах или планирующихся военных акциях недовольных появлением кордонной линии и казачьих поселений черкесов, абазин, ногайцев и других народов Северо-Западного и Центрального Кавказа. Рапорт Н.А. Ладыженского от 2 декабря 1777 г., основанный на донесении подполковника Лешкевича, содержит информацию о большом собрании за Кубанью кабардинских князей, горских султанов, ногайских биев едисанского и джембойлукского улусов с целью организации крупного нападения на русские владения [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 380–382]. Накануне крупномасштабной военной кампании весны-осени 1779 г. полковник Н.А. Ладыженский 22 февраля получил донесение, в котором сообщалось о намерении кабардинской аристократии в союзе с бесленеевцами, кемиргевцами и абадзехами («абазихинцами») воевать с Россией, а в случае неудачи со всеми подвластными переселиться в Грузию [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2: 107, 108]. Таких документов, отражающих резкое обострение военно-политической ситуации, рост неорганизованного насилия в регионе, взаимных экспроприаций

в связи с постройкой Моздокской кордонной линии, нарушившей традиционный хозяйственный цикл табунного коневодства и скотоводства кабардинцев, кемиргоевцев, бесленеевцев, абазин, ногайцев и других этносоциальных групп Северо-Западного и Центрального Кавказа, многие десятки. [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 69, 229, 230, 246, 281, 409, 423, 428, 435; Ч. 3: 72, 73, 93, 105, 106; Ч. 7: 13 об., 60, 62, 76, 97 об., 99, 106, 107–117, 118 и др.].

Важнейшее значение в истории развития кабардино-русских отношений имел вопрос о так называемых беглых холопах. Его можно разделить на две принципиально различные составляющие. Во-первых, это вопрос о бегстве из Кабарды в пределы России безорядных холопов – пленных или купленных невольников иноплеменного происхождения (черк. *унэJут*, в XVIII в. часто *къэжэр*, «каджары» русских источников – З.К.) [КРО 1957б: 236, 269; Думанов 1990: 164–167]. Их никогда не было особенно много в общей массе населения, но потеря рабочих рук в результате бегства таких невольников, воспринималась кабардинскими феодалами болезненно, заставляла требовать их выдачи или денежной компенсации у русских властей на Кавказе еще до основания Моздока и Азово-Моздокской кордонной линии [КРО 1957б: 122, 236, 269]. Другой категорией зависимых крестьян, предпринимавших попытки путем переселения в пределы России добиться освобождения от феодальной эксплуатации и злоупотреблений со стороны аристократии были представители непривилегированных сословий Кабарды – чагары, тукашуки, «черный народ» русских источников [КРО 1957б: 269–270]. Они составляли значительную долю населения Кабарды и в XVII–XVIII вв. и формировали до двух третей полевого конного войска княжества [КРО 1957а: 386, 387; КРО 1957б: 369; Думанов 1990: 152–164]. Рапорты комендантov крепостей и командующих на линии четко разграничают две эти проблемы. Первая – это вопрос оказания покровительства беглым невольникам христианского по преимуществу вероисповедания (грузинам, армянам), а вторая – главный нерв внутриполитической жизни Кабарды, рычаг оказания давления на нелояльную имперской власти кабардинскую аристократию.

Команданты крепостей имели прямую инструкцию принимать беглых из Кабарды невольников христианского вероисповедания. Ордер И.В. Якоби полковнику Н.А. Ладыженскому в октябре 1777 г. прямо предписывал «выбегающих от кабардинцев и прочих подобных им народов» пленников «принимать в крепостях с надлежащим свидетельством допросами подлинно ль они христиане и откуда в полон взяты», а затем отправлять в Моздок [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. 102]. При допросе должен был присутствовать пристав при кабардинцах секунд-майор Д.В. Таганов. За беглых христианских пленников их бывшим владельцам полагалась денежная компенсация, гарантированная Грамотой Екатерины II 1771 г., а холопов нехристианского происхождения, «которые выбегали из Кабарды для того, чтобы высвободиться из под ига кабардинских жителей» предполагалось возвращать хозяевам [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. 102, 105; КРО 1957б: 299–304]. Делопроизводственная документация канцелярии начальников Моздокской линии полна рапортов о выкупе в Моздок из Кабарды грузин и армян [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 3: 102, 109, 139 об., 148, 194об; Ч. 4: 71, 105, 129, 130, 140, 162, 163; Ч. 5: 283, 414, 434]. Кроме грузин и армян среди беглецов изредка попадаются представители других христианских по вероисповеданию народов – украинец («малороссы») из Азова, осетин [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 6: 162, 222, 231, 241] и даже мусульмане, например беглец из Большой Кабарды родом из «тарковского владения иначе шамхала» [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 4: 236–237]. Однако после кабардино-русской войны весны-осени 1779 г. такая относительно лояльная по отношению к имущественным правам владельцев крепостных людей политика российских властей прекратилась.

Вопросы возможного массового переселения «черного народа» из Кабарды в русские пределы, находились в компетенции Астраханского губернатора И.В. Якоби и Коллегии иностранных дел. Несмотря на лоббирование этого проекта И.В. Якоби с целью ослабления военно-политического потенциала кабардинской аристократии, русское правительство заняло в вопросе о кризисе межсословных отношений в Кабарде выжидательную позицию [КРО 1957б: 320–326, 327–331]. Делопроизводственная документация канцелярии Моздокской линии подтверждает иные источники, иллюстрирующие обострение отношений между привилегированными и непривилегированными сословиями в Кабарде. В конце ноября-начале декабря 1777 г. разногласия между знатью и «черным народом» сорвали попытку планировавшегося ими силового освобождения из Георгиевской крепости нескольких арестованных кабардинских дворян [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1: 313, 336, 337, 368, 369, 371, 373, 374, 378].

Не столь широко представленным в фондах дела, но очень интересным является документальное измерение формирования системы сбора информации, рекрутинга лазутчиков и информаторов из местного населения с опорой на инфраструктуру Моздокской кордонной линии. С 1770 г. в пограничных крепостях и самой Кабарде на постоянной основе находился майор, а затем подполковник Д.В. Таганов [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 4]. Но он, как официальное лицо не пользовался полным доверием кабардинских феодалов и очевидно был вынужден собирать информацию через третьих лиц. Внутренние политические неурядицы и конфликты в Кабарде облегчали задачу привлечения на свою сторону и использование в качестве информаторов лиц из числа самих кабардинцев. Так 8 января 1778 г. подполковник Д.В.Таганов доносил полковнику Н.А. Ладыженскому: «Сего утра приехал ко мне уздень Бабуков Арслан Гирей (на самом деле Ислам-Гирей – З.К.). Он привез известие, что кабардинские владельцы с узденями своими хотят зделать собрание на реке Баксане, намерение у них будет чтобы постаться отложитьсь вовсе от подданства Российской империи, учинить побег всех за Кубань к вершине реки Теберды, а между тем собратца большими партиями и чинить набеги злодейские на вновь заведенные крепости, к чему якобы черный народ согласился» [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 2: 75]. Сам Д.В.Таганов сомневался в достоверности своего информатора, но рапорт вышестоящему начальству предпочёл отправить. Уже в марте 1778 г. Ислам-Гирей Бабуков, находясь в Астрахани просил губернатора И.В. Якоби прикомандировать на Моздокскую линию переводчика-толмача, «знающего по-черкесски ... который нужен ему во время пребывания его в крепостях при донесении тамошним начальникам о каких-нибудь известиях» [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 8: 33]. Астраханский губернатор своим ордером приказал полковнику В.В. Шульцу выделить такого толмача из числа горцев – новокрещенных моздокских казаков, каковым оказался отставной есаул Федор Дыдымов [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 8: 33, 34]. Ислам-Гирей Бабуков и в дальнейшем, несмотря на интриги Д.В.Таганова, пользовался доверием И.В. Якоби, выступал посредником при контактах последнего с лояльными России мурзами закубанских ногайцев, искавшими российского покровительства [РГАДА Ф. 23. Оп. 1. Д. 5: Ч. 8: 38, 117].

Огромный объем и не всегда хорошая сохранность деловой документации канцелярии командующих Моздокской линии объективно затрудняют выявление тех архивных материалов, которые имеют максимальную эвристическую ценность для изучения истории степного фронтира Российской империи, общественно-политической и экономической эволюции сообществ Северо-Западного и Центрального Кавказа на начальном этапе их интеграции в общероссийское пространство. Но их значение как ценного источника по истории повседневности первых лет институциализации границы Российской империи на Северном Кавказе невозможно переоценить.

Список источников и литературы

- РГАДА – *Российский государственный архив древних актов*.
Адыгские песни 2014 – Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.
- Бутков 1869 – *Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 2.* СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869. 628 с.
- Волкова 1974 – *Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века.* М.: Наука, 1974. 276 с.
- Дегоев 2025 – *Дегоев В.В. Кавказские рубежи Российской империи 1762–1801: Исторические очерки.* М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2025. 800 с.
- Думанов 1990 – *Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.)*. Нальчик: Эльбрус, 1990. 264 с.
- Кавказская война 2002 – *Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы.* Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб: Изд-во журнала Звезда, 2002., 552 с.
- Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов.* Нальчик: Печатный двор, 2014. 902 с.
- КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
- КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
- МПИО 1933 – *Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Документы собрал, введением и примечаниями снабдил Георгий Кокиев.* Т. I. Орджоникидзе: Раствинад, 1933. 348 с.
- Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов.* Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
- Потто 1994 – *Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т. 1. От древнейших времен до Ермолова.* Ставрополь: Кавказский край, 1994. 672 с.
- РОО 1984 – *Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 2.* Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1984, 439 с.
- Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. 672 с.
- Ходарковский 2023 – *Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800.* М.: Новое литературное обозрение, 2023. 352 с.

References

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents]
- Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny* [Adyghe songs from the time of the Caucasian war]. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2014. 656 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 2* [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 2]. SPb.: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1869. 628 p. (In Russian)
- DEGOEV V.V. *Kavkazskie rubezhi Rossiiskoi imperii 1762–1801: Istoricheskie ocherki* [The Caucasian Frontiers of the Russian Empire 1762–1801: Historical Essays]. M.: Izd-vo «Aspekt PresS», 2025. 800 p. (In Russian)
- DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. Nalchik: El'brus, 1990. 264 p. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. M: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 p. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 p. (In Russian)
- Kavkazskaya voyna: istoki i nachalo. 1770–1820 gody. Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX veka»* [The Caucasian War: Origins and Beginnings. 1770–1820. Series:

«Memoirs of Participants in the Caucasian War of the 19th Century». SPb: Izd-vo zhurnala Zvezda, 2002., 552 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyge people]. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014. 902 p. (In Russian)

KHODARKOVSKII M. *Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavals' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [The Steppe Frontiers of Russia: How a Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 352 p.

Materialy po istorii Osetii (XVIII vek) / Dokumenty sobral, vvedeniem i primechaniyami snabdil Georgii Kokiev [Materials on the history of Ossetia (17th century) / Documents collected, introduction and notes provided by Georgy Kokiev Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Rastzinad, 1933. 348 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part 1. M.: Sovetskii kompozitor, 1986. 264 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya voyna: V 5 z. ; T. 1. Ot drevneishikh vremen do Ermolova* [Caucasian War: In 5 volumes; Volume 1. From ancient times to Ermolov]. Stavropol': Kavkazskii krai, 1994. 672 p.

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol. 2]. T. 2. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1984. 439 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maikop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» ФГБНУ КБНЦ РАН.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Scientific and Innovative Center «Expert Systems of Source Studies and Historiography» of the KBSC of the RAS.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.